

«Сегодня предел — только небо»

Дизайнер Роберт Стерн о сталинском ампире и о том, как изменилась Москва в новом тысячелетии

— Русская революция 1917 года попыталась сокрушить устои, в том числе архитектурные. Так появился конструктивизм. Но в 1930-х маятник снова качнулся в сторону классики. Почему это произошло?

— Термин «конструктивизм» в большей степени относится к нереализованным проектам архитектора Татлина. Здания были, как правило, не очень хорошо сконструированы и потому некачественно построены, вот почему многие из них не сохранились. Кроме того, слишком революционный конструктивизм был основан на разрыве с прошлым и отрезал людей от привычного пространства, а люди хотят чувствовать принадлежность к своей истории. Возврата в прошлое никто не жаждет, но нам важно знать, откуда мы пришли, из чего произошел наш мир и куда он идет. Это главная причина того, что конструктивизм оказался непопулярен, а классика взяла свое. Американские здания, построенные при «Новом курсе» президента Рузвельта, похожи на здания, возведенные при национал-социализме Гитлера в Германии, при Иосифе Сталине в России, а также во Франции, Италии. Это была аскетичная, строгая версия классической архитектуры. СССР ввел стиль классического города в современный мир так, как западный мир не смог сделать. Это очень интересно.

— Неоклассицизм, в котором вы работаете, что он впитал в себя из старой школы, а что отбросил?

— Классицизм диктует порядок, дисциплину, чувство согласованного планирования, дает вам словарь, который вы можете использовать экономно или широко. Неоклассицизм — это классицизм аскетичный. Вообще, застывших стилей нет, местное часто смешивается с универсальным, чтобы привязать здание именно к конкретной стране, конкретному городу. Если вы едете по Москве, то видите красивые церкви, частные особняки XIX века. Они классичны и в то же время выражают что-то очень русское (хотя архитекторами часто были итальянцы). Классическая архитектура может быть локальной и глобальной одновременно — это то, что нам нужно сегодня.

— Так что же неоклассицизм отверг?

— Он отклонил излишества барокко, чрезмерную декоративность рококо и призвал к эстетическому порядку.

— Где неоклассицизм лучше всего прижился?

— Есть много неоклассических зданий в России, например в Санкт-Петербурге и Москве. В США в этот же период ничего практически не существовало: в начале

© PETER ARON / OTTO

XIX века мы строили очень скромные здания. Когда Россия была богатой империей, мы были еще очень бедной страной, но все равно есть прекрасные небольшие строения, которые достойны подражания.

— Что вас удивило в архитектурном облике Москвы? Каковы ее особенности?

— Здания после Перестройки все сделаны из смешанных форм, блестящих материалов, у них нет продуманной композиции. Это неудачный пример постмодернизма. Но мне очень нравятся дома начала XIX века в стиле модерн, многие постройки сталинской эпохи.

— Есть страны, которые отличаются неповторимой национальной архитектурой. Какая из них вас привлекает и вдохновляет?

— Я не думаю, что современные страны имеют неповторимую национальную архитектуру. Нельзя сказать, что вся Россия неоклассическая. Или что во всей Франции есть единый национальный архитектурный стиль и это только рококо. Когда я приезжаю в новую страну, то смотрю на нее не как турист, а как архитектор. Открываю что-то новое, собираю драгоценные бусины, из которых потом получается жемчужное ожерелье. Это вдохновляет.

— Что, с вашей точки зрения, психологически комфортно в архитектуре?

— Это когда вы можете посмотреть на что-либо во второй раз. Большие здания, по-

ROBERT A.M. STERN ARCHITECTS

строенные в прошлом, их я люблю, они монументальны. Часть работы архитектора — обращать внимание на детали, иметь достаточно денег для того, чтобы клиент смог реализовать замыслы. Если вы цинично говорите «я не могу этого сделать» или «мой клиент не будет тратить на это...», то вы проиграли еще до того, как вы вышли на «поле боя». Я стараюсь согласовывать здания с окружающей средой. В конце 1990-х и начале 2000-х в Москве был строительный бум, и некоторые здания, построенные тогда, страшноваты, вырваны из контекста. Посмотрите на монументальные здания, которые были построены в сталинскую эпоху и на постройки XIX века! Москва невероятно богатый город-космополит, и если вы любите эти здания, почему бы не продолжать строить в том же духе? Российской столице нужно немного больше связности, согласованности и ясности в архитектуре.

— С какими материалами вы предпочитаете работать?

— В экстерьере я люблю камень. Нет двух одинаковых камней. Мне также нравится кирпич: в нем чувствуется рука мастера, который кладет каждый кирпич на свое место. Мы строим много проектов из дерева в Соединенных Штатах — с этим материалом можно делать удивительные вещи. А вот использование железобетона на фасадах мне не нравится. Бетон чутко реагирует на погоду: он намокает, оста-

ся влажным в течение нескольких дней и трескается, если температура поднимается или опускается. Мы используем бетон для возведения конструктива, а в облицовке — другие отделочные материалы, которые создают красивые поверхности.

— Как вы относитесь к зданиям из стекла и металла?

— У них есть свое место в городском пейзаже, но их надо строить по назначению. В юности, когда я был студентом архитектуры, а Мис ван дер Роэ — богом архитектуры, сталь, стекло и бронза использовались широко. Но некоторые архитекторы зачастую используют данные материалы только потому, что не хотят думать и творить самостоятельно. Я не хочу, чтобы ваши читатели думали, что мы не используем стекло. Если мы строим большое офисное здание, то облицовываем его стеклом, потому что это подходящий материал для такого проекта.

— За какими строительными материалами будущее?

— Всегда будет появляться что-то новое. Я не могу предсказать вам будущее. Недавно произошли удивительные открытия в производстве стекла — его качество стало намного выше, увеличилась способность контролировать температуру. Стекла в облицовке зданий теперь могут быть более элегантными и эффективными, чем 15 лет назад.

— Когда вы преподаете архитектуру ученикам, что вы пытаетесь им привить в первую очередь?

— Внимательно смотреть на предметы, формы, материалы. Чтобы понимать, как будет выглядеть архитектура, когда они станут лидерами в своей профессии. Я хочу научить их самостоятельно мыслить, не замыкаться на стиле или каком-то моменте.

Кроме того, талант должен соседствовать с интеллектом. Есть рок-звезды, которые умеют петь, но при этом они форменные идиоты — к тому времени, когда им исполняется 30 лет, они уже уничтожены кокаином, растратив свои деньги и дарования. Это пустая трата таланта. Важно понять, как развивается талант, и уметь выводить его на следующий уровень. Самое слабое место архитекторов заключается в том, что они не всегда обладают умением слушать, что они часто строят для других архитекторов, а не для людей — это ошибка.

— Какова для вас максимальная этажность здания?

— Когда я рос, Empire State Building был настолько высок, что казался выше некуда. Но сегодня предел — только небо.

Беседовала Ольга Воронова